

Когда Цзун Цзинь снова проснулся, повозка уже не покачивалась.

Он потёр глаза, потянулся и с заторможенным удивлением обнаружил, что остался в экипаже совсем один. Заглянув за занавеску, он не увидел ни единого луча света.

Он свернулся калачиком в повозке, словно проспал целые сутки.

Цзун Цзинь выпрямился во весь рост и, уцепившись за сиденье, приподнял занавеску на маленьком окошке. Стоило ему шевельнуться, как наброшенный на него длинный халат соскользнул вниз. Снаружи горел костер, и в неровных отблесках пламени угадывался разреженный лес — это была уже не та извилистая горная дорога, по которой они выехали из Кэчжоу.

Четверо воинов дежурили возле костра, четверо отдыхали под деревьями, а еще четверо вместе с Хэлянь Хэном куда-то запропалились.

Цзун Цзинь поднял упавший халат и поднес ближе к окошку, чтобы рассмотреть.

Чернильный атлас, такая же чернильная вышивка — мелкие четырёхугольники, которые невозможно заметить, если не приглядываться. Похоже, это была та самая верхняя одежда, в которой Хэлянь Хэн ходил сегодня.

Разве у Хэлянь Хэна может быть столько доброты? Чтобы он сам укрыл его?

Сжимаючи халат в руке, Цзун Цзинь на мгновение замер — телесная слабость продажного юноши сказывалась во всём, и сразу после пробуждения его мысли работали на редкость медленно, — а затем с отвращением отбросил одежду, швырнув её в дальний угол повозки.

В этот самый момент снаружи раздался приближающийся стук копыт.

Он скосил глаза и первым делом увидел Хэлянь Хэна в одной нижней сорочке.

Мужчина сидел верхом на лошади, прямой, с бесстрастным выражением лица. Пляшущие языки пламени падали на его профиль, смягчая резкие линии бровей и глаз.

Прежде Цзун Цзинь видел Хэлянь Хэна только в боевых доспехах и никак не ожидал, что его заклятый враг может выглядеть вот так — прямо ученый муж. Он принялся разглядывать его, а ниже заметил лук и стрелы, висящие у седла.

Звенья украшений звонко перекликались друг с другом. Мужчина, натянув поводья, шаг за шагом проехал мимо маленького окошка повозки, и Цзун Цзинь отчетливо разглядел привязанную к седлу дичь... парочку фазанов.

Оказывается, он ходил на охоту.

Цзун Цзинь мысленно хмыкнул и недовольно цыкнул языком.

— Проснулся — так спускайся, — внезапно раздался голос Хэлянь Хэна.

Цзун Цзинь машинально отшатнулся в сторону, а затем сообразил: с какой стати он испугался?

Он решительно вылез из повозки, покрутил затекшей от сна шеей и, напустив на себя вальяжный вид, направился к нему:

— Чего на охоту без меня не позвал? У меня глаз алмаз.

Хэлянь Хэн легко спрыгнул с лошади, и тут же подбежал кто-то из подчиненных, чтобы снять добычу и унести её на разделку.

На слова Цзун Цзиня он не обратил ни малейшего внимания, молча уселся у костра и замер.

Человек, привыкший к долгим годам войны, Хэлянь Хэн казался Цзун Цзиню невыносимо показушным, но избалованных привычек избалованных барчуков у него не было. Мужчина ничуть не гнушался испачкать одежду в грязи, просто сидел в тишине и отпивал воду из фляги.

Искоса поглядывая на него, Цзун Цзинь подошел к лошадям и проверил лук:

— Чего язык в жопу засунул, сутки не виделись?

Мужчина покосился на него:

— Ты сможешь его натянуть?

— Смесишь! Твой дед десяток тяжелых луков запросто осилит!

С этими словами Цзун Цзинь снял лук, вытащил стрелу и принял эффектную позу, показывая, что намерен продемонстрировать свое искусство Хэлянь Хэну. В глазах того мелькнуло холодное равнодушие — трудно было понять, верит он или нет, но Цзун Цзиня это почему-то сразу взбесило.

Он ненавидел мужчин себе на уме, которые никогда не говорят прямо.

А Хэлянь Хэн был воплощением этой черты: в любую минуту казалось, что он полон скрытой

подлой отравы.

Тогда Цзун Цзинь без лишних слов, злобно ухмыльнувшись, приладил стрелу и натянул тетиву. Встал он идеально ровно, спину выпрямил, позу принял красивую, а затем поднатужился изо всех сил... и не смог сдвинуть тетиву с места.

— Этот лук всего на четыре цзюня, — отвел взгляд Хэлянь Хэн и спокойно напомнил.

Огонь в груди Цзун Цзиня вмиг взметнулся до небес.

Ярость придала ему небывалых сил. Почти безумно заскрипев зубами, Цзун Цзинь снова резко рванул тетиву. Рука взметнулась высоко, очертив красивую линию, и в следующее мгновение наконечник стрелы устался прямо на Хэлянь Хэна:

— Я сказал, что могу его натянуть — значит, могу! Если смелый, не смей уворачиваться, смотри, как я прострелю тебе глотку!

Расстояние между ними составляло всего несколько шагов, и как бы скверно Цзун Цзинь ни стрелял, промахнуться он просто не мог. И тем не менее Хэлянь Хэн даже не подумал уклоняться или хотя бы взглянуть на него лишний раз.

— Не думай, что я не посмею! На свете нет ничего, чего бы я не осмелился сделать!

Не успел Цзун Цзинь по-настоящему разжать пальцы и выпустить стрелу, как сверху с дерева сорвалась черная тень и со страшной точностью наступила ему прямо между лопаток. От удара он разжал руки, но направление стрелы уже сбилось, и она со звонким стуком вонзилась в землю. Хрупкий и слабый Цзун Цзинь рухнул плашмя лицом вниз, и его нос оказался в опасной близости от сапог Хэлянь Хэна — он отчетливо видел даже аккуратно прошитую серебряной нитью кромку.

— Прикажете казнить? — спросил стоявший у него на спине человек.

Цзун Цзинь изо всех сил вывернул шею, пытаясь разглядеть, кто его придавил. Утром он уже видел этого парня из окружения Бэйтан Ле, кажется, его звали Цзян И.

Он никак не ожидал, что Цзян И будет охранять Хэлянь Хэна, и тем более не предполагал, что этот человек прятался в кроне дерева.

— Хэлянь Хэн, сукин ты сын, умеешь только чужими руками изподтишка нападать, ты вообще мужчина? — отчаянно извиваясь, завопил Цзун Цзинь. — Неудивительно, что ты никогда не бьешься лицом к лицу, а используешь всякую мерзкую грязь! В битве при Цзюцю ты точно так же отправлял людей сдаваться понарошку, а сам устраивал засады, играл изподтишка... Раз не можешь победить в честном бою, только и знаешь, что строить грязные козни... Да еще и

воруешь! Совести у тебя совсем нет?!

Ругался он яростно, но глаза его внезапно покраснели.

Цзун Цзинь и сам не понимал, какая вожжа попала под хвост его телу — почему от злости у него так защемило в носу и слезы подступили к глазам, грозя хлынуть в любой момент.

Цзян И, однако, слушать это больше не стал. Он резко прижал его голову к земле так, что Цзун Цзинь едва мог разомкнуть губы, и его брань тут же превратилась в неразборчивое мычание.

Цзян И поднял взгляд на Хэлянь Хэна, ожидая приказа, но к своему удивлению заметил, что лицо мужчины — всегда холодного, бесчувственного, не ведающего ни радости, ни горя — исказилось от какой-то нехорошей боли.

— Господин?..

— Позволь ему говорить, — холодно приказал Хэлянь Хэн. — ...Ты ведь даже знаешь про битву при Цзюцю. И впрямь человек из клана Юйчи. Кто тебя прислал? Юйчи Чунь или...

— Или что, Юйчи Лань?! — Цзун Цзинь вскинул на него мокрые глаза, и в его голосе прорезались с трудом сдерживаемые рыдания. — Тьфу на тебя! Юйчи Лань — человек великого мужества и чести, стал бы он опускаться до твоих подлых грязных трюков? Разве тот кинжал не ты украл при Цзюцю? Ваш род Хэлянь — сборище крыс и воров, разве выстой вы имя Юйчи?!

Слушая это, Цзян И чувствовал, как над ними сгущаются тучи — господин сейчас рассвирепеет. Но когда он прислушался к отчаянно подавляемому плачу в голосе Цзун Цзиня, то почему-то подумал, что этот продажный юноша выглядит до того жалко, что даже злости на него держать не хочется.

Мужчина слегка опустил голову, и собранный на затылке конский хвост упал вперед, опустившись на плечо. Проявив неожиданную для своего вечного спокойствия резкость, он протянул руку и вцепился в волосы Цзун Цзиня.

Увидев это, Цзян И тут же слез с его спины.

— ...Кто ты такой Юйчи Ланю? Откуда тебе знать о происхождении того кинжала? — допытывался Хэлянь Хэн, одновременно силой поднимая пленника на ноги.

Цзун Цзинь поморщился от боли, вцепился в собственные волосы и был вынужден вскинуть голову под напором Хэлянь Хэна:

— А тебе какое дело, кем я прихожусь Юйчи Ланю?!

Не успел он договорить, как из глаз против воли брызнули слезы.

Какая же позорища! Настоящий муж готов принять смерть, но не сносить унижения, а он тут ревет от боли прямо перед заклятым врагом.

— Если ты сегодня не выложишь правду, я все равно сдержу слово и отвезу тебя в Цзюлун, — произнес Хэлянь Хэн. — Правда, в виде твоего трупа.

— ...Режь и убивай, как знаешь! — огрызнулся Цзун Цзинь. — Думаешь, раз Юйчи Лань погиб, весь мир теперь принадлежит твоему Хэляню? Мечтай! Юйчи Лань и после смерти не оставит тебя в покое, даже из царства мертвых вернется, чтобы прикончить тебя!

Из уст поверженного зверя это звучало как упрямое бахвальство перед лицом смерти, но только сам Цзун Цзинь знал: это чистая правда.

Небесные боги и Будда не приняли его, преисподняя Авици не посмела забрать... и раз он очнулся рядом с Хэлянь Хэном, разве это не благоволение небес, не шанс собственными руками уничтожить заклятого врага?

— Не я же его убил, — лицо Хэлянь Хэна побледнело, а голос упал до глухого шепота. — С чего бы ему приходить за мной?

— ... — Цзун Цзинь от неожиданности даже лишился дара речи, помолчал пару мгновений и выдавил: — Ничего, он отомстит и всё равно придет за твоей душой.

— Так даже лучше... Я жду.

С этими словами мужчина резко оттолкнул Цзун Цзиня, поднялся, взмахнул рукавом и бросил:

— Убить его.

— А?.. Слушаюсь!

Сказав это, Хэлянь Хэн зашагал прочь, направляясь в самую глубь леса. Цзян И хотел было приказать кому-то из стоявших на посту элитных воинов следовать за ним, но Хэлянь Хэн словно прочел его мысли и бросил через плечо:

— Не нужно за мной ходить.

Видя, как фигура мужчины скрывается в темноте, Цзян И перевел взгляд на пленника и не удержался:

— А ты и впрямь смельчак.

— Ты с какого дуба рухнул, чтобы со мной разговаривать? — яростно взвился Цзун Цзинь.

Цзян И отличался мягким нравом и вовсе не сердился на дерзости этого продажного юноши, лишь беззлобно покачал головой:

— Я служу господину уже три года, и это первый раз на моей памяти, когда он выходит из себя.

— Убивай раз решил, чего языком трепать!

— ...Ну и язык же у тебя поганный.

Цзян И придерживал его одной рукой, а другой слегка качнул запястьем — из рукава выдвинулся узкий короткий меч.

Неудивительно, что прежде он совсем не чувствовал присутствия Цзян И — этот человек явно был главным мастером тайных убийств при Хэлянь Хэне.

Но что толку теперь это понимать? Сейчас его собственная жизнь обойдется от этого скрытого клинка.

Цзян И действовал без промедления и ни капли не жалел Цзун Цзиня: в следующее мгновение ледяное лезвие прижалось к нежной коже на шее пленника, и хватило бы легкого движения, чтобы перерезать ему горло.

— ...Ты чего творишь, Цзян И? — раздался в этот момент откуда-то сбоку удивленный окрик Бэйтан Ле. — Ты за что его убить удумал? Господин же взбесится!

Цзян И даже не обернулся, лишь нахмурился:

— Господин сам велел мне убить его.

Рослый Бэйтан Ле, держа в руках двух убитых кроликов, подскочил к ним:

— ...Да ладно! Чтобы господин отдал приказ его убить?

— Говорит, человек клана Юйчи.

— Уверен?

— Вроде бы да, — ответил Цзян И. — Не трать время. Иди займись кроликами, а я закончу тут, и поедим.

— Погоди, не спеши, — замахал руками Бэйтан Ле. — Я лучше пойду спрошу у господина, не убивай пока!

— С какой стати...

— Решил убить — так убивай, хватит сопли жевать! — вмешался Цзун Цзинь. — Вы в армии Хэляня все такие трусы, что даже прикончить человека не решаетесь?

Цзян И даже слушать это больше не мог:

— До чего же скверный язык у этого мальчишки.

— Свяжи его пока, я сбегаю спрошу, — бросил Бэйтан Ле, поворачиваясь к стоявшему неподалеку элитнику. — Эй, подойди, займись этими кроликами! ...А господин куда пошел?

— Туда.

— Жди меня здесь, слышишь, только не вздумай прикончить! — на ходу приказал Бэйтан Ле. — Он еще пригодится!

<http://bllate.org/book/22011/2288237>